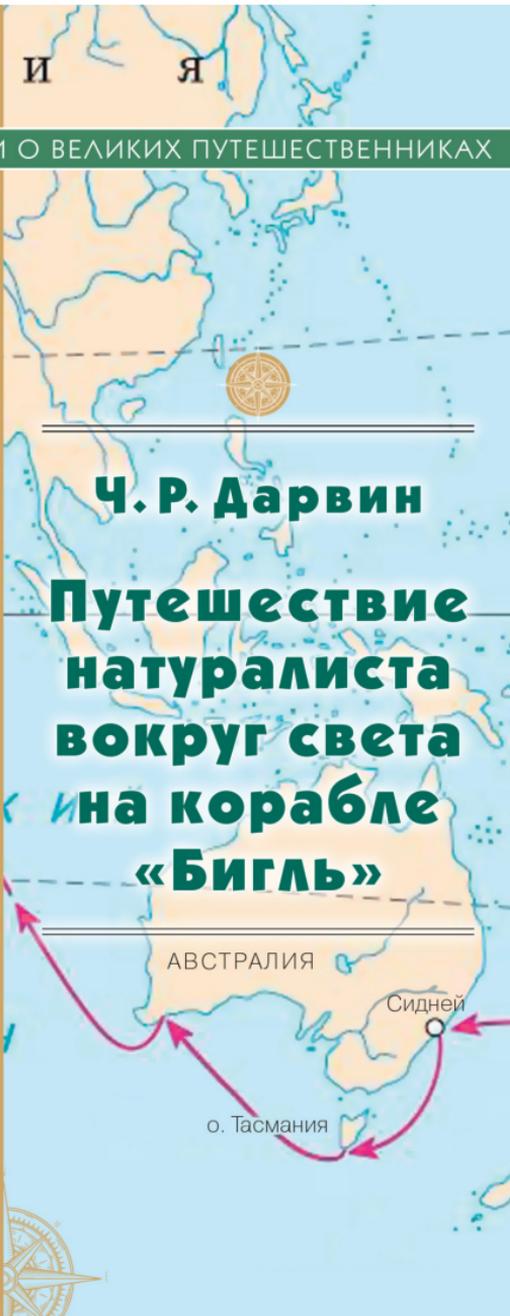

И Я

КНИГИ О ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКАХ

Ч. Р. Дарвин

**Путешествие
натуралиста
вокруг света
на корабле
«Бигль»**

АВСТРАЛИЯ

Сидней

о. Тасмания

Чарлз Дарвин
Путешествие натуралиста
вокруг света на
корабле «Бигль»
Серия «Книги о великих
путешественниках»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551965

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». / Ч. Р.

Дарвин: Художественная литература; Москва; 2023

ISBN 978-5-280-03974-2

Аннотация

В книгу вошли записи и комментарии Ч. Дарвина, английского естествоиспытателя, натуралиста и путешественника, известного родоначальника эволюционного учения о происхождении видов животных, во время его плавания вокруг света на корабле «Бигль».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Между строк	5
Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»	8
Глава первая	10
Глава вторая	32
Глава третья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Чарльз Дарвин

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

Переводчик БЕКЕТОВА Елизавета Григорьевна (1834–1902) – русская переводчица, дочь путешественника Г. С. Карелина, бабушка А. А. Блока

© Оформление А. О. Муравенко, 2023

© Издательство «Художественная литература», 2023

Между строк

По завершении наполеоновских войн приоритеты флота Великобритании сместились с военных в сторону торговли. В этом плане особый интерес представляла Южная Америка, поэтому возникла необходимость в создании точных карт материка. Продолжая старую борьбу с некогда могучей Испанией, Великобритания в первой трети XIX века решила использовать внутренние исследования в латиноамериканских республиках, которые недавно объявили себя независимыми.

Первой задачей дорогостоящей экспедиции на корабле «Бигль» была детальная съемка восточных и западных берегов Южной Америки и прилегающих островов. На основе этой съемки экспедиция должна была составить точные морские карты, которые бы облегчили плавание кораблей в здешних водах. Из пяти лет плавания «Бигля» большая часть времени была потрачена именно на эти исследования. Капитан Фиц Рой доставил в Адмиралтейство более 80 карт разных частей побережья и островов, 80 планов бухт и гаваней с указанием всех якорных остановок и 40 рисунков-пейзажей посещенных мест.

Вторая задача заключалась в создании цепи хронометрических измерений в последовательном ряде точек вокруг земного шара для точного определения их меридианов.

Именно для этого «Бигль» и должен был совершить кругосветное путешествие.

В ходе путешествия «Бигля», продлившегося без малого пять лет, экспедиция достигла Южной Америки, обогнула ее, останавливаясь во многих странах континента, затем двинулась к Галапагосским островам и Таити, а оттуда – к Австралии и Новой Зеландии. В Индийском океане обследованы Кокосовые острова и Маврикий, затем – остановка у южной оконечности Африки (мыса Доброй Надежды), и «Бигль» вновь направился к Южной Америке, после чего вернулся в Великобританию.

В состав команды, кроме капитана – руководителя съёмочных работ, вошли: два лейтенанта, штурман, врач, десять офицеров, боцман, сорок два матроса, восемь юнг, инструментальный мастер, художник и чертежник А. Эрл, миссионер Р. Метьюс и три туземца, возвращавшиеся из Англии на Огненную Землю.

И... еще один человек, ставший впоследствии самым знаменитым из всех путешественников «Бигля»: Чарльз Роберт Дарвин.

Ранее в Кембридже студент Дарвин познакомился и подружился с профессором ботаники, преподавателем Джоном Генслоу. В июне 1831 года Генслоу узнал, что Адмиралтейство ищет неоплачиваемого натуралиста в экспедицию к берегам Южной Америки. Будущий создатель теории естественного отбора с восторгом принял предложение. Адми-

ралтейство вполне устраивало то, что юноша готов ехать за собственный счет. Оно вообще-то не особенно ратовало за присутствие ученого на борту «Бигля»: на этом настаивал капитан корабля Фиц Рой, веривший, что у Огненной Земли и в Южной Америке экспедиция откроет залежи полезных ископаемых.

Знали бы адмиралы, что плавание «Бигля» войдет в историю только благодаря присутствию на борту 23-летнего «начинающего натуралиста»!

За время экспедиции Чарльз Дарвин собрал данные, которые объясняют закономерности географического распространения флоры и фауны в соответствии с природными зонами: от экваториальной до субантарктической.

«Бигль» вернулся в Лондон 2 октября 1836 года. С этого времени Дарвин начинает систематизировать, обобщать и анализировать собранные материалы. Свои выводы обосновывает в фундаментальных трудах по зоологии, биологии, геологии.

Занятия наукой молодого Чарльза Дарвина только начались. А кругосветное путешествие на паруснике «Бигль» позже он назовет самым важным событием в его жизни.

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

Меры длины, используемые Чарльзом Дарвином в своем путешествии

Дарвин в своем «дневнике» обращается к английской системе мер и весов, а температуру же приводит по Фаренгейту. В настоящем издании для удобства читателей градусы Фаренгейта сведены к градусам Цельсия.

Остальные меры можно перевести в метрические, обращая внимание на следующие таблицы:

Меры длины и поверхности:

Лье (или лига) = 4,8 км

Миля английская = 1,6 км

Миля морская (или узел) = 1,85 км

Миля географическая = 7,4 км

Фадом (или фатом) = 1,9 м

Ярд = 0,9 м

Фут = 0,3 м

Дюйм = 2,5 см

Линия = 2,5 мм

Акр = 0,40 га

Меры веса и объема:

Центнер = 50,8 кг

Стон = 6,35 кг

Фунт = 0,45 кг

Унция = 28 г

Галлон = 4,5 л

Пинта = 0,66 л

Глава первая

Сант-Яго – Острова Зеленого мыса

Порто Прайа. – Рибейра Гранде. – Атмосферная пыль. – Повадки морского слизня и каракатицы. – Скалы Святого Павла. – Своеобразные накипи. – Насекомые – первые поселенцы островов. – Фернандо Норонья. – Байа. – Полированные скалы. – Иглотел. – Нитчатки и инфузории. – Причины окрашивания моря.

«Бигль», флота ее величества десятипушечный бриг, под командою капитана Фиц Роя, дважды пытался выйти из гавани, но каждый раз сильный юго-западный ветер принуждал его возвратиться. Наконец 27 декабря 1831 года он отплыл из Девонпорта.

Целью нашей экспедиции была съемка карт Патагонии и Огненной Земли, уже начатая капитаном Кингом в 1826 году. Мы должны были снять берега Чили, Перу и некоторых островов Тихого океана, а также произвести ряд хронометрических измерений вокруг земного шара.

Шестого января мы достигли Тенерифа, но высадиться нам не дали, опасаясь, как бы мы не завезли на берег холеры. На следующее утро восходящее солнце показалось из-за зубчатых берегов острова Гран Канария и внезапно озарило перед нами Тенерифский пик, между тем как низменные

части острова всё еще были скрыты легкими облачками. То была заря первого из многих чудесных дней, которых я никогда не забуду.

16 января 1832 года мы бросили якорь у Порто Прайа на Сант Яго, главном острове архипелага Зеленого мыса.

С моря окрестности Порто Прайи представляют унылый вид. Вулканический огонь прошедших веков и жгучий зной тропического солнца сделали почву во многих местах совершенно бесплодной. Местность постепенно поднимается плоскими уступами, на которых то тут, то там выделяются конические вершины с тупыми верхушками, а далее горизонт окаймлен неправильною цепью более высоких гор. Весь этот пейзаж, затянутый легким, обычным в здешних местах, туманом, чрезвычайно любопытен; впрочем, человек, только что попавший прямо с моря, и притом впервые за свою жизнь, в рошу из кокосовых пальм, едва ли может отдавать себе отчет в чем-либо, кроме испытываемого им счастья.

Остров сам по себе, может быть, и очень неинтересен, но на человека, привыкшего к одним только английским пейзажам, вид страны, совершенно бесплодной, производит впечатление сурового величия. На обширных равнинах, покрытых лавою, едва можно отыскать какой-нибудь листик, а между тем там умудряются пастись козы и даже несколько коров. Дождь идет редко, но в году есть один короткий промежуток времени, в течение которого бывают сильные ливни. После этих ливней из каждой трещины выступает легкая

зелень, которая вскоре засыхает, – этим естественным сеном и питаются животные.

В эпоху открытия острова ближайшие окрестности Порто Прайи были покрыты деревьями, но их безрассудно уничтожили, и это повлекло за собою почти совершенное бесплодие. Широкие плоскодонные долины, из которых многие лишь на несколько дней в году служат ложем для стока воды, одеты зарослями безлистных кустов.

Немного живых существ обитает в этих долинах. Самая распространенная здесь птица – зимородок; он смиренно сидит на ветвях клещевины и оттуда по временам стремительно налетает на кузнечиков и ящериц. Его перья очень ярко окрашены, но не так красивы, как у европейского вида, от которого он сильно отличается и полетом, и образом жизни, и выбором места обитания; здешний зимородок живет, по большей части, в самых сухих долинах.

Один раз я поехал с двумя офицерами в Рибейра Гранде – селение, расположенное на несколько миль к востоку от Порто Прайа. Вплоть до долины Святого Мартина местность мрачная и угрюмая, но в долине протекает маленький ручеек, и вокруг него разрослась роскошная растительность. За час мы достигли Рибейра Гранде и очень удивились, увидав развалины обширной крепости и собора. Прежде этот городок был главным городом острова; теперь же вид у него довольно печальный, но зато живописный. Мы взяли в проводники чернокожего падре, а в переводчики испанца, который

служил в войсках во время войны за независимость, и пошли осматривать город.

Самым интересным зданием в Рибейра Гранде оказалась одна старинная церковь. Раньше тут хоронили губернаторов и военных правителей архипелага. Некоторые из надгробных памятников относятся к XVI столетию. В этом уединенном месте одни только геральдические украшения напоминали нам о Европе. Церковь, или часовня, образует одну из сторон четырехугольника, в середине которого растет большая роща бананов. По другой стороне этой площади помещается богадельня, там живет человек двенадцать бедняков очень жалкого вида.

Мы вернулись в гостиницу обедать. Толпа мужчин, женщин и ребятишек, черных как уголь, собралась поглазеть на нас. Проводники наши были люди веселые, и, что бы мы ни говорили и ни делали, они раздражались самым искренним смехом.

Перед отъездом из города мы посетили собор; он, кажется, не так богат, как церковь, но зато славится маленьким органом, который издает удивительно неприятные звуки. Мы дали чернокожему падре несколько шиллингов, причем проводник-испанец похлопал его по голове и сказал: «В сущности, цвет его кожи не составляет большой беды». Затем мы возвратились в Порто Прайа так быстро, как только могли бежать наши пони.

В другой раз мы ездили в селение Сан Доминго, лежащее

почти в центре острова. Мы проезжали по небольшой равнине, на которой росло несколько невзрачных акаций; постоянный пассатный ветер согнул их верхушки довольно странным образом – некоторые из них торчали под прямым углом к своему стволу. С северной стороны направление ветвей было на северо-восток, с южной – на юго-запад; эти естественные флюгеры показывают преобладающее направление и силу пассатных ветров.

На здешней каменистой почве езда не оставляет почти никаких следов, поэтому мы сбились с пути и нечаянно проехали в Фуэнтес. Мы заметили это только тогда, когда доехали до самого местечка, и были рады своей ошибке: Фуэнтес прехорошенькое селение, орошаемое ручьем, где процветает, кажется, всё, кроме того, что должно процветать, то есть кроме населения. Черные ребяташки, совершенно голые и необыкновенно жалкие, таскали вязанки дров чуть не с себя ростом.

Недалеко от Фуэнтеса мы видели большую стаю цесарок, штук до пятидесяти или шестидесяти. Они были крайне пугливы и не подпускали нас к себе. Цесарки бегали, подняв головы кверху, точно куропатки в дождливый сентябрьский день, и когда мы погнались за ними, они тотчас же обратились к помощи крыльев.

Сан Доминго поражает своей красотой, по правде сказать, неожиданной: ведь остальные части острова выглядят довольно угрюмо. Селение расположено на дне долины; долина

окружена высокими зубчатыми стенами наслоившейся лавы. Черные скалы резко отделяются от роскошной свежей зелени, разросшейся по извилистым берегам прозрачного ручья. Случайно мы приехали туда в какой-то большой праздник, и селение было полно народа. На возвратном пути мы обогнали человек двадцать черных девушек, одетых с большим вкусом; черная кожа и белоснежные платья резко выступали из-под огромных пестрых платков. При нашем приближении все они остановились и, разостлав свои платки на дороге, запели с большим увлечением дикую песню; во время пения они отбивали такт, хлопая себя по ляжкам. Мы бросили им несколько монет, они приняли их с радостными криками и зашумели еще больше, когда мы поехали дальше.

Раз утром было как-то особенно ясно; отдаленные горы резко вырисовывались на тяжелой гряде темно-синих облаков. Я подумал, что воздух насыщен водяными парами. Однако на деле оказалось обратное. Гигрометр показывал необычайную сухость воздуха, и в то же время непрерывно сверкали молнии. Разве не удивительно видеть столь необыкновенную прозрачность воздуха при такой погоде?!

Обыкновенно же воздух здесь туманный, потому что насыщен тончайшей пылью, которая даже испортила наши астрономические инструменты. Я собрал немного этой тонкой коричневой пыли. Оказалось, что она состоит главным образом из инфузорий с кремнистыми панцирями и из кремнистых частей растительной ткани. В пяти пакетиках, которые

я послал в Англию на исследование, было найдено не менее шестидесяти семи различных органических форм. Инфузории, за исключением двух морских видов, все оказались обитателями пресных вод.

Я прочел не менее пятнадцати различных описаний пыли, упавшей на корабли, плававшие далеко от берегов в Атлантическом океане. Судя по направлению ветра, можно с уверенностью сказать, что вся эта пыль идет из Африки, и всё же в той пыли, которую я посылал на исследование, не было найдено ни одной африканской инфузории, зато в ней нашли два вида инфузорий, живущих только в Южной Америке.

Пыль эта падает в таком количестве, что грязнит всё на корабле и засыпает глаза; иногда она до того затемняет воздух, что корабли садятся на мель. Нередко случалось, что эта пыль падала на корабли, находившиеся даже более чем за тысячу миль от африканских берегов.

В пыли, собранной на корабле за триста миль от берега, я, к моему удивлению, нашел кусочки камня величиной в одну тысячную долю квадратного дюйма. После этого нечего удивляться распространению в воздухе гораздо более легких и мелких спор тайнобрачных растений.

Самый интересный отдел естественной истории Сант Яго – это его геология. При входе в гавань вы замечаете в стене береговых утесов совершенно горизонтальную белую полосу, идущую на несколько миль вдоль берега на высоте около сорока пяти футов над водой. При исследовании этого бе-

лого слоя оказывается, что он состоит из известняка, в котором находится множество раковин; из них все, или почти все, и теперь еще живут на соседнем берегу. Слой этот покоится на древних вулканических породах, и был залит потоком базальта, который, по всей вероятности, излился в море в то время, когда белый раковистый известняк лежал на дне морском. Интересно проследить изменения, которые горячая лава произвела в этой рыхлой массе, местами превратив ее в кристаллический известняк, а местами в плотную пеструю породу. Там, где известняк подвергался действию расплавленной массы, он образовал пучки изящных, лучеобразно расположенных волокон. Слои лавы наклонными площадками постепенно возвышаются к центру острова, откуда первоначально потекли расплавленные потоки. В исторические времена, насколько мне известно, ни в одной из частей Сант Яго не проявлялось вулканической деятельности. Лишь крайне редко удается обнаружить остатки кратеров на верхушках многочисленных пепельных холмов красного цвета, но на берегу можно еще различить следы последних потоков лавы. Скалы, образованные ими, ниже, чем те, которые были образованы раньше. Так высота этих утесов служит грубым мерилем древности потоков.

Во время нашей стоянки я наблюдал нравы некоторых морских животных. Большой морской заяц встречается здесь очень часто. Этот слизняк имеет около пяти дюймов длины; цвета он грязно-желтоватого с пурпуровыми жилка-

ми. По обеим сторонам его нижней поверхности находится широкая перепонка; по-видимому, иногда эта перепонка играет роль вентилятора, который гонит воду по спинным жабрам или легким животного. Питается этот слизняк нежными морскими водорослями, растущими в мутной мелкой воде между камнями; мне случалось также находить в его желудке мелкие камешки, каку птиц. Если потревожить животное, оно выбрасывает очень яркую пурпуровую жидкость, которая окрашивает воду на целый фут в окружности. Но у него есть и другой способ защиты – на поверхности его тела выделяется едкое вещество, причиняющее острую боль тому, кто до него дотронется.

С большим любопытством наблюдал я также за нравами каракатицы. Каракатицы очень часто встречаются в лужах, остающихся после отлива, но поймать их совсем не легко. С помощью своих длинных ног и присосков они могут втягивать свое тело в чрезвычайно узкие щели, и нужна большая сила для того, чтобы их оттуда вытащить. Бывало, что каракатица с чрезвычайной быстротой бросалась с одной стороны лужи в другую, задом вперед, и окрашивала воду темно-коричневыми чернилами. Эти животные спасаются еще тем, что изменяют свой цвет, подобно хамелеону. В этих превращениях они, по-видимому, соотносятся со свойствами почвы, над которой проходят; в глубокой воде их общий оттенок коричнево-красный, а на суше или в мелкой воде желтовато-зеленый. При более внимательном осмотре тело ка-

ракатицы оказалось серым, испещренным множеством ярко-желтых крапинок; серый цвет делался то гуще, то светлее, а крапинки то исчезали, то появлялись вновь. Изменения эти происходили так, точно по телу животного непрерывно проходили облака, оттенок которых изменялся в пределах от фиолетового до каштано-коричневого. Под действием гальванического тока каракатица почти совершенно чернела; то же явление, но только в меньшей степени, можно было вызвать, царапая ее иголкой.

Каракатицы изменялись в цвете и тогда, когда они плавали, и тогда, когда неподвижно лежали на дне. Меня очень занимали различного рода уловки, к которым прибегала одна каракатица, желая укрыться от меня; она, казалось, вполне понимала, что я за ней наблюдаю. Некоторое время она оставалась неподвижной, потом украдкой, точно кошка за мышью, подвигалась на дюйм или на два; по временам она изменяла свой цвет. Так она добралась до более глубокого места и тогда внезапно рванула вперед, а чтобы скрыть нору, в которую спряталась, оставила за собой густую струю чернил.

Пока я разглядывал морских животных, держа голову на высоте двух футов от лужи и ее каменистого берега, мне в лицо несколько раз ударяла струя воды; струя била снизу и сопровождалась легким треском. Сначала я не мог понять, в чем дело, но потом догадался, что моя каракатица, забравшаяся в норку, давала мне оттуда знать о себе. Не подле-

жит сомнению, что каракатицы обладают способностью выбрасывать из себя воду, и мне даже показалось, что они умеют довольно верно прицеливаться, направляя на цель трубку или сифон, расположенный на нижней стороне их тела.

Каракатицы не могут свободно ползать по суше, потому что им трудно нести голову. Я заметил, что та каракатица, которую я держал в своей каюте, излучала в темноте легкий фосфорический блеск.

Скалы Святого Павла. – Издали кажется, что эти скалы искрятся белым цветом. Такое впечатление возникает отчасти из-за огромного скопления помета (гуано) морских птиц, отчасти же из-за твердого, блестящего, отливающего жемчужном вещества, которое как бы приросло к поверхности скал. Слой этого вещества не толще одной десятой доли дюйма. Под лупой видно, что это странное вещество состоит из множества тончайших пластинок и содержит много органических частей. Вероятно, вещество это не что иное, как тот же птичий помет, но подвергнутый действию дождя или морских брызг.

Под небольшими накоплениями гуано на острове Вознесения и на островках Аброльос я нашел несколько тел, ветвящихся, как сталактиты, и образовавшихся, по всей вероятности, таким же образом, как и та белая пленка, которая покрывает скалы Святого Павла. Общий вид этих ветвистых тел так напоминает некоторые виды тайнобрачных растений, что недавно, при беглом просмотре моей коллекции, я не

сразу заметил между ними разницу. Шаровидные оконечности ветвей имеют вид жемчужин; они покрыты как бы зубною эмалью, но так тверды, что царапают стекло. Замечу мимоходом, что на берегу острова Вознесения, в одном месте, где накопилось огромное количество раковистого песку, на утесах, омываемых приливом, образовалась накипь, представляющая большое сходство с теми мхами, которые часто встречаются на сырых стенах. Поверхность пластинок имеет очень красивый цвет; те части, которые образовались при полном освещении, то есть на открытых местах, черны, как смоль; те же, которые затемнены выступами скал, – серые. Я показывал образцы этой накипи многим геологам, и все они полагали, что она вулканического или огненного происхождения. Своей твердостью, полупрозрачностью, гладкостью и, наконец, неприятным запахом накипь эта чрезвычайно напоминает раковины морских моллюсков; сходство это увеличивается и тем, что она обесцвечивается под действием паяльной трубки. Кроме того, известно, что у моллюсков те части раковины, которые заслонены от света мантией животного, бывают бледнее, чем те, которые подвергаются полному действию света; точно то же замечается и в этой накипи. Если мы вспомним, что известь, фосфорнокислая или углекислая, входит в состав твердых частей (костей и раковин) всех животных, то накипь эта – мертвое органическое вещество, переработанное неорганическими силами, – покажется очень интересной в физиологическом отношении.

На острове Святого Павла мы нашли только два вида птиц – глупыша и нодди. Первый представляет собою вид буре-вестников, второй – вид крачек (морских ласточек). Обе птицы очень смиренны, бестолковы и до такой степени не привыкли к посетителям, что я мог бы перебить их сколько угодно моим геологическим молотком. Глупыш кладет яйца на голые камни утеса; крачка вьет очень простое гнездо из водорослей. Около многих гнезд мне случалось находить по маленькой летучей рыбке, которую, вероятно, приносил самец для своей подруги. Любопытно было наблюдать, как крупный и проворный краб, живущий в трещинах утеса, быстро похищал положенную у гнезда рыбку, пока взрослые птицы были отвлечены нашим появлением. Сэр У. Саймондс, один из немногих людей, побывавших здесь, рассказывал мне, что сам видел, как крабы таскали из гнезд даже птенцов и пожирали их.

На всем островке нет ни одного растения, даже лишайника; тем не менее здесь водятся насекомые и пауки. Следующий список исчерпывает, я думаю, наземную фауну; муха, живущая на глупыше, и клещ, вероятно, занесенный сюда птицами; маленькая коричневая моль, которая питается перьями; жучок и мокрица, обитающие под пометом, и, наконец, множество пауков, которые, я полагаю, пожирают этих мелких спутников и прислужников морских птиц. По всей вероятности, так часто повторяемое описание того, как на вновь образовавшихся коралловых островах Тихого океа-

на сначала появляются стройные пальмы и другие благородные тропические растения, потом птицы и, наконец, человек, — не вполне точно; боюсь, что поэтичность этого описания сильно пострадает, если я скажу, что первыми поселенцами на вновь возникшей из океана земле должны быть пауки и паразитические насекомые, питающиеся перьями и грязью.

В тропических морях малейшая скала, вокруг которой всегда размножается бесчисленное множество водорослей и сложно организованных животных, поддерживает также существование огромного количества рыбы. Наши рыболовы, выезжая в лодках, постоянно воевали с акулами, которые бросались на их добычу. Я слышал, что одна скала, лежащая в нескольких милях от Бермудских островов и притом на значительной глубине, была открыта именно потому, что по соседству от нее заметили много рыбы.

Фернандо Норонья. *20 февраля.* — Насколько я мог определить в течение тех немногих часов, которые мы здесь провели, остров этот вулканического происхождения, но возник он, вероятно, очень давно. Самую замечательную его особенность составляет конический холм около тысячи футов вышиною; верхняя часть этого конуса необыкновенно крута и с одной стороны выступает над своим основанием. Скала состоит из отдельных неправильных масс, напоминающих столбы. Глядя на эти отдельные массы, можно подумать, что они еще в полужидком состоянии были внезапно выброше-

ны вверх. Однако на острове Святой Елены я убедился, что некоторые столбы, почти такой же формы и такого же состава, образовались из расплавленных пород, влившихся в более рыхлые слои, которые таким образом послужили формами для этих гигантских обелисков. Весь остров покрыт лесом, но из-за крайней сухости климата растительность здесь далеко не роскошная. На середине горного склона столпились большие столбообразные утесы, обнесенные какими-то напоминающими лавры деревьями и украшенные другими деревцами, на которых было множество красивых пунцовых цветов без единого зеленого листочка; всё вместе это выглядело очень живописно.

Байа, или Сан Сальвадор. Бразилия, *29 февраля*. – День прошел восхитительно. Но и это слово слишком слабо, чтобы выразить чувства натуралиста, который впервые попадает в бразильский лес. Изящество трав, необычайность паразитических растений, красота цветов, глянцеви́тая зелень листьев, а главное – общая царская роскошь растительности привели меня в восторг. Самой удивительной смесью звуков и безмолвия охвачены тенистые части леса. Насекомые гудят так громко, что гул этот слышен с корабля, стоящего за несколько сот ярдов от берега, а вместе с тем кажется, что в чаще леса царит полная тишина. Человеку, который любит естественную историю, такой день приносит наслаждение, и более глубокого наслаждения он не испытает никогда.

Пробродив несколько часов по лесу, я пошел было к ме-

сту высадки, как вдруг меня настигла тропическая гроза. Я попытался укрыться под деревом; оно было такое густое, что обыкновенный английский дождь никогда не пробил бы его листы, но здесь уже через несколько минут по стволу бежали потоки. Именно этой силе дождя и следует приписать богатство зелени, одевающей почву даже в самых густых лесах; если бы здешние ливни походили на дожди умеренного климата, то большая часть воды поглощалась бы или испарялась, не успев проникнуть в почву. Сейчас я не буду описывать отрадную картину этого чудесного залива – на обратном пути мы заходили в него еще раз, и у меня будет случай поговорить о нем.

Скалы, расположенные вдоль бразильского берега, по крайней мере, на протяжении 2000 миль, а также те, которые встречаются глубоко в стране, все принадлежат к гранитной формации. Формация эта занимает такую громадную площадь, что об ней нельзя не задуматься.

Большинство геологов полагает, что граниты образовались из расплавленных масс путем кристаллизации под высоким давлением. Происходил ли этот процесс в глубине океана, или же превратившиеся в гранит массы были первоначально покрыты слоистой породой, которая впоследствии исчезла? Можно ли допустить, чтобы какая бы то ни было сила, если она не действовала почти бесконечно долго, была в состоянии обнажить гранит на протяжении многих тысяч квадратных лье?

Неподалеку от города, в том месте, где ручей впадает в море, я наблюдал явление, о котором писал Гумбольдт. При порогах великих рек – Ориноко, Нила и Конго – сиенитовые скалы одеты черным веществом и как будто отполированы графитом. Слой этот чрезвычайно тонкий и состоит из окисей марганца и железа. На Ориноко это явление замечается на тех скалах, которые периодически омываются водой, и только в тех местах, где течение всего сильнее; индейцы говорят: «Скалы черны там, где воды белы». Слой, покрывающий сиенит, здесь не черный, а ярко-коричневый, и состоит, по-видимому, из одних только железистых веществ. По образчикам невозможно представить себе эти темные, как бы обожженные скалы, горящие на солнце. Они встречаются только в местах, доступных приливу, и так как ручеек сбегает вниз тихо, то полировка производится здесь, вероятно, прибоем.

Однажды я с удовольствием наблюдал за поведением пойманного у берега иглотела. Эта рыба имеет очень растяжимую кожу, и всем известна ее удивительная способность раздуваться почти в шар. Если вынуть ее из воды на короткое время и потом погрузить обратно, то она поглощает большое количество воды и воздуха. При этом иглотел надувается как шар, а так как кожа на его брюхе гораздо шире, чем на спине, то она и растягивается гораздо сильнее, и рыба переворачивается спиной вниз. В таком положении иглотел может не только двигаться вперед по прямой линии, но и поверты-

ваться в любую сторону. Поворачивается он с помощью одних только плавников, а хвост его остается в бездействии. Когда тело сильно раздуто, жаберные отверстия лежат над водой; но струя воды, засасываемая ртом, постоянно проходит через них.

Пробыв в таком состоянии некоторое время, иглотел сильным движением выпускает из себя воду и воздух. Он может выбрасывать больше или меньше воды, и поэтому надо думать, что эта рыба глотает воду для регулирования своего удельного веса. У иглотела есть несколько способов защиты. Иглотел, которого я наблюдал, очень больно кусался и выбрасывал изо рта воду на довольно большое расстояние. При этом он издавал странный звук, двигая челюстями. Когда иглотел раздувается, сосочки, покрывающие его кожу, напрягаются и становятся колючими. Если взять эту рыбу в руки, из кожи ее живота выделяется волокнистое вещество ярко-карминового цвета. Этим веществом я окрасил слоновую кость и бумагу так прочно, что они до сих пор сохранили свой цвет во всей его свежести. Я не знаю ни состава, ни назначения этого вещества. Один натуралист рассказывал мне, что он нередко находил живого вздутого иглотела, плававшего в желудках акул; он говорил также, что иногда иглотел освобождается из своей темницы, прогрызая не только стенки желудка, но и самые бока акулы, которая от этого погибает. Кто бы мог подумать, что такая маленькая, мягкая рыба в состоянии уничтожить огромное хищное чудовище?!

18 марта. – Мы отплыли из Байи. Несколько дней спустя, неподалеку от островков Аброльос я обратил внимание на красновато-бурый оттенок моря. Оказалось, что вся поверхность воды была покрыта как бы кусочками мелко нарубленного сена с зазубренными кончиками. То были крошечные цилиндрические нитчатки, собранные в связки или пучочки, от двадцати до шестидесяти штук в каждой связке. Эти же самые нитчатки покрывают огромные пространства в водах Красного моря, откуда и произошло его название. Количество их должно быть громадно; наш корабль проходил через несколько таких скоплений, из которых одно занимало в ширину около десяти ярдов, а в длину по крайней мере две с половиной мили. Почти в каждом описании мало-мальски продолжительного путешествия говорится об этих нитчатках. Кажется, всего чаще они встречаются в водах, окружающих Австралию. Капитан Кук, описывая свое третье путешествие, говорит, что моряки называют их морскими опилками.

Много небольших масс нитчаток я заметил в Индийском океане близ атолла Киллинг; а у чилийских берегов, за несколько миль к северу от Консепсиона, наш корабль прошел однажды через большое пространство воды, которая была такой мутной, какой бывают реки в половодье. В другой раз, на один градус к югу от Вальпарайсо, не дальше чем на пятьдесят миль от берега, повторилось то же явление, но только на еще большем пространстве. В стакане эта во-

да имела бледно-красный оттенок, а под микроскопом видно было, что она кишит множеством маленьких, очень проворных животных, которые быстро двигались и часто лопались. Они были овальной формы и посередине тела слегка перетянуты кольцом изогнутых мерцательных ресничек. Посредством этих ресничек и движутся животные. Двигутся они всегда узким концом вперед, и, обыкновенно, быстрыми скачками. Существа эти крайне мелки, простым глазом совершенно невидимы, и каждое из них занимает едва ли одну тысячную долю квадратного дюйма.

Количество их бесконечно, я находил их во множестве в малейшей капле воды. Раз мы в один день прошли через два окрашенных пространства, из которых каждое простиралось на много квадратных миль. Какое неисчислимое количество этих микроскопических животных! Издали цвет воды был похож на цвет реки, протекающей по руслу из красной глины, но в тени корабля он казался темным, почти шоколадным. Линия, где красная вода встречалась с голубою, обозначалась очень резко. За несколько дней перед тем погода стояла тихая, и океан необыкновенно изобиловал живыми существами.

В море, окружающем Огненную Землю, неподалеку от берега, я видел узкие полосы воды, которые казались ярко-красными из-за множества маленьких раков. Ловцы тюленей называют их китовою едой. Не знаю, действительно ли питаются ими киты, но в некоторых местах побережья мор-

ские ласточки, бакланы и огромные стаи больших неуклюжих тюленей питаются почти исключительно этими плавающими рачками.

Моряки считают, что воду окрашивает плавающая икра, но я только раз нашел этому подтверждение. На расстоянии нескольких миль от Галапагосского архипелага корабль наш прошел через три полосы темно-желтой, как бы илистой воды; полосы имели несколько миль в длину и только несколько ярдов в ширину и отделялись от окружающей воды извилистою, но явственной чертою. Цвет им придавали маленькие студенистые шарики, имевшие в поперечнике около одной пятой дюйма; внутри шариков помещались маленькие яички, тоже шарикообразные. Говорят, что это явление обычно около Галапагосских островов и что направление полос показывает направление течений. Однако на этот раз полосы были образованы действием ветра.

Остается упомянуть еще об одном явлении: о тонком маслянистом и радужном налете, который иногда играет на поверхности воды. У берегов Бразилии я видел море, покрытое таким налетом на большом протяжении; моряки приписывали это разложению трупа кита, плававшего неподалеку.

Наблюдения над окрашиванием моря живыми организмами ставят перед натуралистом два вопроса: 1) каким образом могут держаться вместе, и притом в определенных границах, все те разнообразные существа, которые образуют цветные полосы воды? Крохотные рачки двигались так стройно, как

двигаются солдаты на ученье; но ведь нельзя предположить что-либо похожее на произвольное движение у яиц или у нитчаток; это невероятно даже относительно инфузорий;

2) от чего зависит узкая и вытянутая форма этих полос? В каждом потоке течение растягивает в длинную ленту ту пену, которая собирается в водоворотах. Вот такую ленту и напоминают окрашенные полосы моря, и это сходство заставляет меня думать, что их вытянутая форма тоже объясняется течением морским или воздушным. Сила тех же течений заставляет держаться вместе всё множество разнообразных организмов, скопление которых кажется необъяснимым.

Глава вторая

Рио де Жанейро

Рио де Жанейро. – Поезда к северу от мыса Фрио. – Сильное испарение. – Невольничество. – Залив Ботофого. – Наземные планарии. – Облака на Корковадо. – Сильный дождь. – Певчие лягушки. – Светящиеся насекомые. – Щелкун и его прыжки. – Синий туман. – Удивительная бабочка. – Энтомология. – Муравьи. – Оса, убивающая паука. – Паразитический паук. – Уловки крестовика. – Пауки, живущие обществом. – Паук, ткающий несимметричные тенета.

С 4 апреля по 5 июля 1832 года. – Вскоре после нашего приезда я познакомился с одним англичанином, который пригласил меня в свое имение. Оно находилось в ста с лишним милях от столицы, на север от мыса Фрио. Я с удовольствием поехал с ним.

8 апреля. – Ехало нас семь человек. Жара стояла невыносимая. Зато дорога до первого привала была очень интересна. Мы проезжали через лес. В лесу всё оставалось неподвижным, кроме больших прекрасных бабочек, лениво перелетавших с места на место. В горах за Прайя Гранде нам открылся изумительный вид: среди необычайно ярких красок преобладал густой синий цвет – небо и тихие воды залива соревновались в великолепии. Некоторое время наша

дорога шла по возделанным полям, потом мы снова въехали в лес. Величественнее этого леса нет ничего на свете.

К полудню мы прибыли в Итакайю. Это маленькое селенье на равнине; в центре стоит дом хозяина, а вокруг – хижины негров. Эти жилища напомнили мне южноафриканские готтентотские хижины. Так как луна должна была взойти рано, мы решили отправиться к ночлегу в Лагоа Марика в тот же вечер. Когда стало смеркаться, мы проезжали у подошвы массивной обнаженной и крутой гранитной скалы; такие скалы обычны в этой стороне.

Это место долго служило убежищем беглым неграм; они существовали здесь, обрабатывая маленькое пространство земли около вершины скалы. Наконец их обнаружили. Посланный отряд солдат переловил всех, кроме одной старухи; женщина эта, чтобы снова не попасть в рабство, бросилась с вершины скалы и разбилась. Римской матроне за такой поступок приписали бы благородную любовь к свободе; бедную негрятянку обвинили в грубом упрямстве.

Мы ехали еще несколько часов. На последних двух-трех милях дорога сделалась трудной, она шла по пустынной местности, пересеченной болотами и лагунами. При слабом свете луны картина была очень унылая. Несколько светящихся насекомых пролетело мимо, да одинокий кулик, встревоженный нашим появлением, испустил свой жалобный крик. Далекий и грозный ропот океана едва нарушал безмолвие ночи.

9 апреля. — Мы оставили свой неудобный ночлег еще до восхода солнца. Путь шел через узкую песчаную полосу между морем и внутренними солеными лагунами; ее оживляли только красивые болотные птицы, ловившие рыбу, и сочные растения самых причудливых форм.

Когда солнце поднялось выше, стало очень жарко, и отражение света и горячего воздуха от белого песка было просто мучительно. Мы обедали в Мандетибе при температуре 29° в тени. Но вид отдаленных холмов, поросших лесом и отражавшихся в тихой воде обширной лагуны, придал нам бодрости. Так как венда была очень хорошей и оставила приятное воспоминание об отличном обеде, а это случается здесь довольно редко, я в знак благодарности опишу ее.

Все здешние гостиницы совершенно одинаковы. Это иногда очень большие дома, построенные из толстых, поставленных стоймя бревен, связанных между собою переплетенными ветвями и обмазанных штукатуркой. Полы в этих домах большая редкость, в окнах никогда не бывает стекол; зато крыши делаются хорошо. Передняя часть здания, по большей части открытая, представляет собой род веранды, где поставлены столы и скамьи. Спальные комнаты открыты со всех сторон, и путешественник должен спать, как сумеет, растянувшись на деревянной лавке, покрытой соломенной циновкой. Венда стоит среди двора, где кормятся лошади.

Приезжая в гостиницу, мы первым делом расседывали лошадей, задавали им корма, то есть насыпали кукурузы,

и потом уже, низко поклонившись хозяину, просили его: «Не будете ли вы милостивы дать нам чего-нибудь поесть?» Обыкновенно хозяин отвечал: «Всё, что вам будет угодно, сэр». В первое время я не раз понапрасну благодарил провидение за то, что оно привело нас к такому доброму человеку. Но дальнейший разговор происходил обыкновенно так:

– Не соблаговолите ли вы дать нам рыбы?

– О нет, сэр!

– Похлебки?

– Нет, сэр!

– Хлеба?

– Не могу, сэр!

– Сушеного мяса?

– О нет, сэр!

Если нам очень везло, мы, прождав часика два, получали домашнюю птицу, рис и маниоку. Но нередко нам приходилось самим убивать камнями курицу, чтобы раздобыть себе ужин. Когда, изнывая от усталости и голода, мы робко говорили, что хотели бы поесть как можно скорее, нам всегда отвечали:

– Кушанье будет готово тогда, когда оно будет готово.

Если же мы пробовали спорить, то нам советовали ехать дальше, так как мы слишком беспокойные люди.

Хозяева гостиниц неприятны и невежливы в обращении; их дома и сами они отвратительно грязны; недостаток вилок, ножей и ложек – вещь самая обыкновенная. Я уверен, что в

Англии нельзя найти ни одной хижины, до такой степени лишенной всяких удобств, как здешние венды. В Кампос Новое нас, однако, угостили великолепно: к обеду нам дали птиц, риса, сухариков, вина и ликеров; вечером мы пили кофе, а на завтрак нам опять подали кофе и рыбу. Всё это вместе с прокормом лошадей стоило только два с половиной шиллинга с человека. Но когда мы спросили хозяина, не видел ли он потерянного нами хлыста, он сурово ответил:

– Я почему знаю? Что же вы его не прибрали? Ваш хлыст, должно быть, съели собаки.

Выехав из Мандетибы, мы продолжали наш путь по той же неудобной и пустынной дороге, пробираясь между озерами. Потом на время покинули береговую дорогу и снова поехали лесом. Деревья были очень высокие и отличались от европейских белизною своих стволов. По моей записной книжке видно, что больше всего поражали меня тогда «чудесные, прекрасные цветы чужездных растений». Проезжая далее, мы увидели пастбища, испещренные огромными коническими муравейниками почти в 12 футов вышиною. Эти муравейники похожи на грязевые вулканы юго-западной Мексики, описанные Гумбольдтом.

Уже стемнело, когда мы после десяти часов верховой езды прибыли в Энгенодо. Всю дорогу я не мог достаточно надивиться на наших лошадей: они не только были необычайно выносливы, но и оправлялись от разного рода повреждений гораздо скорее, чем наши английские лошади.

Много страданий причиняют здесь лошадям укусы вампира; при этом лошади страдают не столько от потери крови, сколько от того, что давление седла вызывает воспаление на укушенном месте. В последнее время в Англии сомневались в правдивости подобных рассказов; поэтому я очень рад, что мне удалось самому видеть, как на спине одной лошади поймали вампира.

Однажды вечером нам случилось ночевать под открытым небом близ Коквимбо, в Чили; мой слуга заметил, что одна из лошадей очень беспокоится, и пошел посмотреть, что с нею случилось. Ему показалось, что на загривке лошади кто-то сидит; он быстро занес руку и поймал вампира. На другое утро можно было отличить укушенное место по легкой опухли и кровавой ранке. На третий день мы ездили на этой самой лошади как ни в чем не бывало.

13 апреля. – После трехдневного путешествия мы приехали в Сосего; это поместье принадлежало родственнику одного из наших спутников. Дом был очень простой и, хотя сильно походил на сарай, зато вполне соответствовал климату. В приемной позолоченные стулья и диваны странно совмещались с выбеленными стенами, соломенной крышей и окнами без стекол. Дом, амбары, конюшни и мастерские для негров – они обучены здесь различным ремеслам – образовали своего рода четырехугольник, в центре которого сушилась куча кофе. Здания стоят на небольшом холме, который возвышается над обработанными полями и со всех сторон окружен

темно-зеленой стеной роскошного леса.

В этой местности главный продукт – кофе. Каждое дерево приносит ежегодно в среднем два фунта кофе, но некоторые деревья дают и до восьми фунтов. Маниок, или кассава, тоже разводится здесь в большом количестве. Все части этого растения идут в дело: стеблями и листьями кормят лошадей, корни же перетирают, а полученную массу выжимают и пекут. Приготовленная таким образом каша составляет главную пищу в Бразилии и называется фаринья. Очень любопытен, хорошо, впрочем, известный факт, что сок этого питательного растения крайне ядовит. Несколько лет тому назад здесь околела корова, отведавшая этого сока.

Хозяин Сосего говорил мне, что в прошлом году он посеял один мешок фейджана, или бобов, и три мешка рису; бобов он собрал в восемьдесят раз больше, чем посеял, а риса – в триста двадцать.

На лугах пасется стадо отличного скота, а в лесах такое множество дичи, что в течение трех дней кряду мы убивали по оленю. Такое обилие жизненных припасов, конечно, отражалось на наших обедах. Если столы и выдерживали необычайное количество блюд, то гости, которые должны были отведать от каждого, выдерживали это с большим трудом. Как-то раз, когда я думал, что перепробовал уже решительно всё, к моему крайнему ужасу, явились еще жареный индюк и поросенок, во всей их вещественной реальности.

Во время обеда один из служителей был специально за-

нят тем, что изгонял из столовой старых собак и черных ребятишек, которые при первом же удобном случае снова вползали в комнату. Пока не вспомнишь о рабстве, простота этой патриархальной жизни кажется очень привлекательной. Какое полное уединение и какая полная независимость от остального мира! Здесь, как только завидят путешественника, начинают звонить в большой колокол и даже стреляют из маленькой пушки. Таким образом это событие возвещается окрестным скалам и лесам, ибо больше извещать некого.

Раз утром я за час до зари пошел гулять, желая насладиться торжественной тишиной здешней природы. Вскоре молчание было нарушено звуками утреннего гимна, который громким хором пели все негры. Так они обыкновенно начинают свой рабочий день. На таких фазендах, как здешняя, невольникам, вероятно, живется хорошо. По субботам и воскресеньям они работают на себя, а в этом благодатном климате двухдневной работы за глаза достаточно, чтобы прокормить семью в течение целой недели.

14 апреля. – Из Сосега мы отправились в другое поместье, на Рио Макаэ, которое представляло собою последний участок обработанной земли в этой стороне. Имение это тянулось в длину на две с половиной мили, а в ширину – владелец и сам забыл, на сколько оно простиралось в ширину. Расчищено было только незначительное пространство, но почти каждый акр годился для обработки и мог бы давать все роскошные и разнообразные продукты тропических стран. Ес-

ли учесть всё огромное пространство Бразилии, то количество возделанной земли окажется ничтожным по отношению к тому, которое еще находится в первобытном состоянии. Какое огромное количество людей сможет со временем прокормить эта земля!

На второй день путешествия дорога стала настолько непроходимой, что пришлось посылать вперед служителя, который саблею перерубал на пути ползучие растения. Лес очень хорош, а древовидные папоротники, хоть и не слишком большие, просто приводили меня в восторг яркостью своей зелени и изящным изгибом листьев. Вечером шел проливной дождь, и, хотя термометр показывал 18° , я сильно прозяб.

Интересно было наблюдать необыкновенно бурное испарение, охватившее весь лес, как только дождь прекратился. Горы тонули в густом белом тумане, который дымными столбами подымался из самых густых мест леса, в особенности если они были расположены в долине. Я несколько раз наблюдал это явление: думаю, что оно вызвано тем, что громадная поверхность листьев жарко нагревается до дождя солнечными лучами.

Пока мы гостили в этом поместье, я чуть не сделался очевидцем одной из тех возмутительных жестокостей, которые возможны только в стране, где существует рабство. Из-за ссоры и тяжбы с кем-то владелец имения хотел было отобрать у своих невольников всех жен и детей и распродать

их в Рио с молотка. Правда, он не выполнил своего намерения, но отнюдь не из сострадания, а лишь из расчета. Я уверен, что мысль о том, насколько бесчеловечно разлучить тридцать семейств, живших вместе многие годы, никогда не приходила в голову их владельцу, который в сущности был добрым человеком. Вот до какого ослепления доводят корыстолюбие и эгоизм!

Мне хочется рассказать случай, поразивший меня сильнее, чем все рассказы о жестокостях рабовладельцев. Меня перевозил на пароме один негр, на редкость тупоумный. Стараясь растолковать ему что-то, я заговорил громко и, жестикулируя, размахнулся так, что рука моя очутилась довольно близко от его лица. Вероятно, он вообразил, что я сержусь и хочу его ударить, потому что внезапно, с испуганным лицом и полузакрытыми глазами, опустил руки по швам. Никогда не забуду смешанного чувства удивления, отвращения и стыда, которые овладели мною при виде сильного, взрослого человека, не смевшего даже защититься от удара, направленного, как он думал, ему в лицо. Этот человек доведен до такого унижения, которое хуже рабства самых незащитных животных.

18 апреля. – На возвратном пути мы провели два дня в Сосего, и я употребил их на то, что собирал в лесу насекомых. Большая часть деревьев, несмотря на свою высоту, имеет три или четыре фута в окружности. Конечно, изредка встречаются деревья и гораздо больших размеров. Хозяин фермы

был в это время занят постройкой каноэ из крепкого ствола в семьдесят футов длиною. На корню этот ствол имел в длину сто десять футов и был очень толстый.

Пальмы, растущие попеременно с обыкновенными ветвистыми деревьями, всегда придают местности тропический характер. Здесь главным украшением леса служит капустная пальма, одна из самых красивых из этого семейства. Ствол ее так тонок, что его можно обхватить ладонями, между тем как изящная крона раскачивается на высоте сорока или даже пятидесяти футов. Ползучие растения, в свою очередь опутанные другими ползучими растениями, чрезвычайно толсты: некоторые из них имеют до двух футов в окружности. Лианы, которые опутывают старые деревья и висят на их ветвях, подобно связкам свежего сена, придают им очень своеобразный вид.

Когда я отрывал взгляд от древесной зелени и смотрел вниз, мое внимание тотчас приковывалось необыкновенным изяществом листьев папоротников и мимоз. В некоторых местах мимозы покрывали почву ковром в несколько дюймов вышины. Идя по этому толстому ковру, я оставлял за собою широкие следы, что происходило от внезапного изменения оттенков этой нежной листвы, тотчас понижающейся от малейшего прикосновения.

Не трудно назвать и перечислить всё то, что приводило меня в восхищение в этой великолепной панораме, но нет никакой возможности дать хоть приблизительное понятие о

возвышенных чувствах удивления, благоговения и восторга, которые наполняли и облагораживали мою душу.

19 апреля. – Оставив Сосега, мы первые два дня ехали по старой дороге. Это было очень тяжело, – путь лежал по ослепительной и жгучей песчаной равнине неподалеку от берега. Я заметил, что каждый раз, как лошадь моя ступала по мелкому каменистому песку, под ногами ее раздавалось легкое, приятное хрустение. На третий день мы свернули на другую дорогу и проехали через одну веселую деревеньку. Это одна из главных дорог в Бразилии, а между тем она была в таком плачевном состоянии, что ни один колесный экипаж, кроме неуклюжей телеги, запряженной волами, не мог бы по ней проехать. За всё время нашего пути мы не встретили ни одного каменного моста, а деревянные почти все были в таком виде, что их приходилось объезжать.

Расстояния определяются здесь крайне неточно. Часто на дороге вместо дорожных столбов попадают кресты, обозначающие места, где была пролита человеческая кровь. Вечером 23-го мы приехали обратно в Рио де Жанейро, окончив таким образом эту приятную поездку.

Во время остального моего пребывания в Рио я жил в коттедже у залива Ботофого. Провести несколько дней в таком восхитительном месте так приятно, что нельзя пожелать ничего лучшего. В Англии любитель естественной истории во время своих прогулок всегда может встретить что-нибудь, что привлечет его внимание; но в этих роскошных, кипящих

жизнью странах столь многое заслуживает внимания, что натуралист почти вовсе не в состоянии гулять.

Те немногие наблюдения, которые я успел сделать, почти исключительно посвящены беспозвоночным животным. Меня очень заинтересовало, что на суше существуют животные, принадлежащие к роду планарий. Множество видов этого рода живет в воде, как в соленой, так и в пресной; но те, о которых я говорю, водятся даже в самых сухих местах леса, но только под гниющими корягами, которыми они, вероятно, питаются.

Планарии похожи на маленьких слизней, но гораздо уже их, кроме того, некоторые их виды покрыты продольными полосками самых ярких цветов. Строение их очень просто: около середины нижней поверхности тела находятся две маленькие поперечные щели; через переднюю щель они могут выпячивать свой в высшей степени раздражительный рот, имеющий форму воронки. У животного, умерщвленно-го действием соленой воды или другим каким-нибудь способом, рот еще некоторое время сохраняет признаки жизни.

В разных местах южного полушария я нашел не менее двенадцати различных видов наземных планарий. Несколько экземпляров, найденных мною в Вандименовой Земле, жили у меня почти два месяца; я их кормил гнилым деревом. Одно из этих животных я разрезал поперек на две почти равные части, и в течение двух недель из каждой развилось по новому животному, вполне сходному с первоначаль-

ным, хотя я разрезал тело так, что на одной половине оставались оба отверстия, а на другой, следовательно, ни одного. Через двадцать пять дней после операции нельзя было отличить первую, более совершенную половину от всякого другого цельного экземпляра. Другая обрезанная половина сильно увеличилась в объеме, и около заднего конца ее образовалось светлое пятно, в котором можно было явственно различить зачаток воронкообразного рта. Однако на нижней поверхности тела еще не было видно соответствующей щели. Если бы жара, усиливавшаяся по мере приближения к экватору, не убила бы всех наших планарий, то несомненно и эта последняя ступень развития была бы достигнута.

Подобные опыты давно уже известны, и все-таки очень любопытно наблюдать за постепенным развитием органов, совершающимся на отрезанном куске животного. Чрезвычайно трудно сохранять планарии: как только смерть дает возможность действовать обыкновенным законам разложения, всё тело их с невероятной быстротою приходит в рыхлое и жидкое состояние.

В первый раз я ходил в тот лес, где находились эти планарии, с одним старым португальским священником; он же взял меня с собой на охоту. Мы спустили в чашу леса нескольких собак, а сами терпеливо ждали, не выбежит ли какой-нибудь зверь, и стреляли в него, как только он появлялся.

С нами был сын соседнего фермера – настоящий дикий

бразильский юноша. Одет он был в изорванную старую рубашку и панталоны; шапки на нем не было; за плечами старинное ружье; за поясом широкий нож.

Здесь все носят с собою ножи, и это почти необходимо в лесу, где приходится то и дело прочищать себе дорогу среди ползучих растений. Зато частые убийства, я думаю, приходится объяснять именно тем, что нож всегда под рукою у бразильцев. И владеют они им изумительно искусно. Они бросают нож в цель на значительном расстоянии так метко и сильно, что издалека наносят смертельные раны. Я видел много мальчиков, практиковавшихся в этом искусстве ради забавы: ловкость, с которой они попадали в воткнутую в землю палку, доказывала, что впоследствии они сумеют справиться и с более серьезным делом.

Накануне мой товарищ убил двух больших бородатых обезьян. У обезьян этих изумительно цепкий хвост; конец их хвоста способен выдержать всю тяжесть тела животного даже после его смерти. Одна из убитых обезьян так и осталась крепко повисшей на ветке, и нужно было срубить большое дерево, чтобы ее достать. Это быстро было исполнено, и дерево вместе с обезьяной со страшным треском рухнуло на землю.

Кроме обезьян мы в этот день убили много мелких зеленых попугаев и несколько туканов. Таким образом, знакомство с португальским патером оказалось для меня довольно выгодным, тем более что в другой раз он подарил мне вели-

колепный экземпляр ягуарунди.

Вероятно, всякий слышал о красоте окрестностей Ботофо-го. Дом, в котором я жил, стоял у подножия знаменитой горы Корковадо. Крутые конические холмы весьма характерны для гнейсовых гранитов. Нет ничего более поразительного, чем эти громадные массы голого камня, неожиданно поднимающиеся среди самой роскошной растительности.

Я часто с большим интересом наблюдал облака, которые шли с моря и располагались сплошной грядой как раз у вершины Корковадо. Эта гора, скрытая облаками, как и другие горы в таких случаях, казалась несравненно выше своей настоящей высоты – всего 2800 футов. Один метеоролог рассказывает, что ему случалось видеть, как облака, несмотря на сильный ветер, точно приклеивались к верхушке горы. Здесь в подобных случаях можно было видеть, как облако обвивалось вокруг вершины и быстро проходило мимо нее, нимало не уменьшаясь и не увеличиваясь в объеме.

Погода в мае и июне, то есть в начале зимы, была великолепная. Средняя температура, по наблюдениям, производившимся в 9 часов утра и вечера, равнялась 22°. Часто шел проливной дождь, но южный ветер скоро осушал дороги. Однажды гроза продолжалась шесть часов, и дождя выпало 1,6 дюйма. Когда эта гроза проходила над лесами, окружающими Корковадо, капли дождя, ударяясь о бесчисленное множество листьев, производили такой шум, что его можно было слышать за четверть мили; шум этот напоминал грохот

большого водопада. После очень жарких дней бывало удивительно приятно сидеть вечером в саду и следить за тем, как сумерки переходят в ночь.

В этих краях природа избирает своих певцов среди гораздо более скромных исполнителей, чем в Европе. Маленькая древесная лягушка сидит на кустике травы, над самой поверхностью воды, и затягивает песенку. Если собирается несколько лягушек вместе, то они поют в лад на разные голоса. Мне стоило большого труда поймать древесную лягушку. У нее на концах пальцев имеются маленькие присоски, и оказалось, что она может ползать по стеклянной пластинке, поставленной совершенно отвесно. Разнообразные цикады и сверчки поднимают неумолкаемый пронзительный крик, который на расстоянии вовсе не кажется неприятным. Каждый вечер, как только смеркалось, начинался этот большой концерт, и я нередко сидел и слушал его до тех пор, пока мое внимание не отвлекало какое-нибудь интересное насекомое, пролетавшее мимо.

В лесу очень много светящихся насекомых. В темную ночь их свет виден за двести шагов. Замечательно, что различные светлячки, светящиеся шелкоуны и морские животные, которых я наблюдал, всегда испускали ярко-зеленый свет. Наиболее сильный свет здешний светляк испускает тогда, когда он раздражен; когда же насекомое успокаивается, его брюшные кольца тускнеют. Само светящееся вещество оказалось жидким и очень липким. Те места, где кожа бы-

ла расцарапана, продолжали светиться мерцающим светом тогда, когда нетронутые места уже потухали. У обезглавленного насекомого кольца оставались постоянно светлыми, но светились уже не так ярко, как прежде; местное раздражение иголкой всегда усиливало яркость света. В одном случае эти кольца сохраняли свою способность светиться в продолжение почти 24 часов после смерти насекомого. На основании этих явлений можно предположить, что животное способно только на некоторое время прятать или тушить свой свет, обыкновенно же этот свет испускается произвольно.

На сырых и засоренных песчаных дорожках я находил личинки этих светляков в большом количестве. Они светились очень слабо; в противоположность взрослым светлякам личинки при малейшем прикосновении притворялись мертвыми и вовсе переставали светиться; даже раздражение не вызывало более яркого света. Очень замечательны хвосты этих личинок: они служат им для сосания или присасывания и вместе с тем являются резервуаром для слюны или для какой-то другой жидкости в этом роде. Я много раз кормил личинку светляка сырым мясом и всякий раз замечал, что от времени до времени конец ее хвоста приближается ко рту и при этом из него отделяется капелька жидкости, которая смачивает мясо прежде, чем личинка его съест. Однако, несмотря на многократную практику, хвост, по-видимому, не умеет находить дорогу ко рту; по крайней мере он всякий раз сначала прикладывается к шее и по ней двигается даль-

ше.

В Байе самое распространенное из светящихся насекомых – щелкун. У него тоже раздражение вызывало более сильный свет. Один раз я внимательно наблюдал, как он прыгает, и вспомнил, что это искусство щелкуна, кажется, еще нигде не было описано. Щелкун, брошенный на спину и приготавливающийся к прыжку, загибает голову и грудь назад таким образом, что его грудной отросток выдается наружу и сгибается, подобно пружине. В эту минуту насекомое опирается на землю краями головы и надкрыльев. Вследствие мгновенного ослабления этого напряженного состояния голова и грудь быстро взлетают кверху, а основания надкрыльев с такой силой ударяются о землю, что жук подбрасывается на высоту одного или двух дюймов. Выступы груди и влагалище грудного отростка служат для устойчивости тела во время прыжка. В описаниях, которые мне приводилось читать по этому предмету, не отмечено, насколько важна упругость грудного отростка, а между тем понятно, что столь быстрый прыжок невозможен без участия какого-нибудь механического приспособления.

Несколько раз я предпринимал маленькие, но в высшей степени приятные экскурсии по окрестностям. Между прочим я побывал в ботаническом саду, где собрано много полезных растений. Листья камфарного, перечного, коричневого и гвоздичного деревьев издавали чудный запах; хлебное дерево, или яка, и манговое дерево состязались между со-

бою в великолепии зелени. Характер пейзажа в окрестностях Байи определяется главным образом этими двумя деревьями. Раньше я даже не мог себе представить, чтобы дерево могло отбрасывать такую черную тень.

Нужно заметить, что дома в тропических странах всегда окружены самыми красивыми растительными формами, потому что многие из них в то же время наиболее полезны человеку. Оба эти качества – красота и полезность – соединены и в банане, и в кокосовой пальме, и в апельсиновом и хлебном деревьях.

В этот день я был особенно поражен замечанием Гумбольдта о «тонком тумане, который, не изменяя прозрачности воздуха, придает цветам более нежный оттенок, смягчая их резкость». В умеренном поясе я никогда не замечал подобного явления. На протяжении полумили или трех четвертей мили воздух был совершенно прозрачен, но на большом расстоянии все цвета сливались в удивительно красивый светлосерый туман с голубым отливом. Атмосферные условия между утром и полуднем, когда эффект был всего резче, оставались одни и те же, только разность между точкой росы и температурой увеличивалась от 4° до 8°.

Как-то раз я встал рано и пошел к Гавии, или мачтовой горе. Воздух был удивительно свеж и ароматен; капли росы еще блестели на листьях больших лилейных растений, осенявших прозрачные ручейки. Сидя на обломке гранита, я с наслаждением смотрел на разнообразных насекомых и птиц,

пролетавших мимо. Колибри, кажется, особенно любят такие уединенные, тенистые места. Глядя, как эти маленькие создания щебечут, порхая вокруг цветка, и так быстро трепещут крылышками, что их едва можно рассмотреть, я всегда вспоминал наших ночных бабочек; в самом деле, их движения и повадки сходны во многих отношениях.

Продолжая идти вперед по тропинке, я вступил в величественный лес, и с высоты пяти или шести футов передо мною открылась одна из тех изумительных панорам, которые так обычны в окрестностях Рио. На этой высоте пейзаж принимает самые яркие краски, и каждая отдельная форма, каждый оттенок настолько превосходит своим великолепием всё, что европеец когда-либо видел на своей родине, что мне никак не найти слов для выражения моих чувств. Тропический пейзаж часто напоминал мне роскошные декорации больших оперных театров.

Никогда не возвращался я с этих прогулок с пустыми руками. На этот раз мне попался экземпляр одного замечательного гриба.

В Англии всем известен тот гриб, который распространяет осенью отвратительный запах; а энтомологам известно и то, что этот запах очень нравится некоторым из наших жуков. То же самое замечается и здесь, потому что один жук, привлеченный запахом гриба, который я нес в руках, сел на него. Таким образом, мы видим в двух отдаленных друг от друга странах одинаковое соотношение между растения-

ми и насекомыми одних и тех же семейств. Но когда человек становится посредником при введении новых видов в какую-нибудь страну, отношение это часто нарушается. Скажу для примера, что капуста и салат, пожираемые в Англии множеством слизней и гусениц, в садах Рио остаются нетронутыми.

Во время нашей стоянки в Бразилии я собрал большую коллекцию насекомых. Я скажу только о дневных бабочках, потому что ночные бабочки здесь гораздо многочисленнее, чем в наших умеренных странах, хотя это и кажется неожиданным при здешней богатой растительности.

Меня очень удивили некоторые привычки одной бабочки (*Parilio feronia*), которая водится здесь главным образом в апельсиновых рощах. Эта бабочка может летать очень высоко, но нередко она просто ползает по древесным стволам, причем ползает всегда вниз головой, распустив горизонтально крылья, а не сложив их вертикально, как это обыкновенно делают бабочки. Изю всех виденных мною бабочек только эта пользуется ногами для того, чтобы бегать. Не зная этой особенности, я много раз старался поймать ее, и всякий раз, как бы осторожно я ни приближался к ней, она быстро отбежала в сторону в тот самый миг, когда мой пинцет был готов сомкнуться над нею.

Эта же бабочка обладает, кроме того, замечательную способностью производить особенный шум. Много раз, когда две таких бабочки, вероятно, самец и самка, гоняясь друг за

другом, в неправильном полете носились в нескольких ярдах от меня, я слышал какой-то стук, вроде треска, производимого губчатым колесом о спуск пружины. Треск продолжался с короткими перерывами, и его можно было слышать за двадцать ярдов. Я уверен, что не ошибся в своем наблюдении. Позже один энтомолог писал: «Эта бабочка замечательна тем, что имеет у основания передних крыльев род барабана...»

В общей картине мира жесткокрылых я сильно разочаровался. Правда, маленьких и темных жуков здесь чрезвычайно много. Европейские кабинеты пока что могут похвастаться только самыми крупными видами тропических насекомых. Стоит только представить себе, каких размеров достигнут со временем полные каталоги насекомых, и душа каждого энтомолога придет в волнение.

Зато хищные жуки здесь очень редки, и это тем более замечательно, что хищных млекопитающих в жарких странах очень много. Меня поразило это обстоятельство как в Бразилии, так и в умеренных равнинах Ла Платы. Не заменяют ли в Бразилии многочисленные пауки и прожорливые перепончатокрылые наших хищных жуков? Мертвоеды и короткокрылые здесь очень редки; зато долгоносики и листоеды, питающиеся растительными веществами, встречаются в громадном числе. Я говорю не о числе различных видов, но о числе отдельных особей, потому что именно это определяет характер страны в энтомологическом отношении.

Человек, попадающий впервые в тропический лес, непременно будет поражен работой муравьев. Протоптаные ими дорожки расходятся по всем направлениям, и по ним постоянно двигаются целые армии; одни идут вперед, другие назад, таща на себе куски зеленых листьев, величина которых иногда значительно превосходит их собственный рост.

Маленькие муравьи темного цвета кочуют подчас в бесчисленном множестве. Раз в Байе я был поражен, видя, как множество пауков, тараканов и других насекомых, а вместе с ними и несколько ящериц испуганно бежали по открытому и ровному месту. Позади их каждая ветка и каждый листок были так усеяны муравьями, что казались совершенно черными. Рой прошел по ровному месту, потом разделился на колонны и спустился по старому валу. Этим маневром они оцепили множество насекомых, и надо было видеть, какие усилия употребляли эти маленькие создания, чтобы спастись от смерти. Подойдя к дороге, муравьи переменили свой путь и узкими колоннами снова взобрались на вал. Я поставил маленький камень, чтобы преградить дорогу одной из колонн; весь корпус бросился тогда на это препятствие и немедленно отступил. Несколько времени спустя пришла другая армия, и после новой не удавшейся попытки прежний маршрут был оставлен. Стоило первой колонне взять на один дюйм в сторону, и камень был бы обойден; конечно, они так бы и сделали, если бы это препятствие было и прежде тут; но, видя с моей стороны нападение, эти маленькие воинственные ге-

рой не допускали и мысли об уступке.

В окрестностях Рио часто встречаются насекомые вроде ос, которые строят для своих личинок глиняные гнезда; эти гнезда они доверху набивают полуживыми пауками и гусеницами, которых жалят таким удивительным образом, что те не двигаются, но остаются живыми до тех пор, пока личинки не вылупятся из яиц. Личинки питаются этим возмутительным запасом беспомощных, полуживых жертв, а некоторые восторженные натуралисты находят это зрелище любопытным и даже увлекательным.

Меня очень занимала однажды смертельная схватка между такой осой и большим пауком. Оса бросилась на паука, нанесла ему удар и улетела; паук был, очевидно, ранен, потому что, стараясь убежать, покатился вниз по маленькому склону, но все-таки сохранил еще довольно силы, чтобы поползти до густого куста травы. Вскоре оса вернулась и очень удивилась, не найдя своей жертвы. Тогда она приступила к поискам, точно собака, которая охотится за лисицей; оса стала описывать небольшие полукруги и всё время быстро двигала крыльями и щупальцами. Паук, хотя и хорошо спрятавшийся, был скоро открыт, и оса, всё еще, очевидно, опасаясь челюстей своего противника, после многих маневров ужалила его в двух местах на нижней стороне груди. Наконец, тщательно ощупав на этот раз уже неподвижного паука, она потащила труп. Но тут я захватил убийцу и овладел ею вместе с ее добычей.

Пауков, по сравнению с насекомыми, здесь несравненно больше, чем в Англии; их, может быть, здесь даже больше, чем всех других разновидностей членистоногих животных. Разнообразие видов прыгающих пауков, можно сказать, бесконечно. Многие виды имеют твердые колючие покровы, другие большие колючие голени. Тропинки в лесу то и дело перегорожены крепкими желтыми тенетами паука, о котором рассказывают, что тенета его до того крепки, что он может ловить даже птиц.

Почти в каждой такой паутине живет на чужой счет маленький красивый паучок с очень длинными передними ногами. Вероятно, этот паучок слишком ничтожен, чтобы обратить на себя внимание большого хозяина, и потому ему разрешено питаться теми мелкими насекомыми, которые запутываются в тенетах и всё равно пропадали бы даром. Если пугнуть этого маленького паучка, он или притворяется мертвым, вытянув свои передние ноги, или стремглав падает с паутины.

Здесь очень распространен, особенно в сухих местах, большой крестовик, который раскидывает свою паутину между большими листьями агавы и укрепляет ее около центра двумя или даже четырьмя нитями; нити эти расположены зигзагом между каждыми двумя лучами паутины. Если в тенета попадает какое-нибудь большое насекомое, например, кузнечик или оса, то паук ловким движением начинает поворачивать его и в то же время выпускает из себя нити, из

которых сплетает кокон вокруг своей добычи. После этого паук осматривает беспомощную жертву и наносит ей смертельный укус в нижнюю часть груди. Затем он уходит и терпеливо ждет действия яда. О силе этого яда можно судить по тому, что когда я через полминуты открыл кокон, то нашел огромную осу уже мертвою.

Этот паук сидит всегда около центра своей паутины головой вниз. Если его потревожить, то он поступает различно, смотря по обстоятельствам: если под паутиной есть трава или кусты, то он быстро падает вниз; при этом я ясно видел, что, прежде чем упасть, он выпускает из себя длинную нить. В случае если место под тенетами открытое, паук редко бросается вниз, а быстро перебегает по центральному ходу с одной стороны паутины на другую. Если продолжать преследовать его, то он прибегает к хитрости: оставаясь в середине паутины, паук начинает сильно подергивать нити, прикрепленные к очень гибким ветвям, и мало-помалу приводит их в столь быстрое колебание, что всё смешивается и даже очертания тела самого паука становятся неясными.

Известно, что почти все английские пауки, поймав в свои тенета слишком большое насекомое, стараются оборвать нити и освободить добычу, чтобы спасти от разрушения свою паутину. Однако мне случилось видеть в одной теплице в Шропшире, что в неправильные тенета маленького паука попала большая оса. Паук, вместо того чтобы оборвать захватившие ее нити, еще крепче принялся опутывать ими тело и

крылья своей жертвы. Сначала оса пыталась достать своего маленького противника жалом и уколоть его. Я смотрел целый час, как она барахталась; наконец, сжалившись, убил ее и снова посадил в тенета. Паук вскоре возвратился, и через час я с удивлением увидел, что он уже запустил свои челюсти в отверстие, через которое оса высовывает свое жало. Два или три раза я отгонял паука, но в течение всех следующих суток постоянно находил его сосущим свою жертву всё в том же месте. Паук сильно раздулся, насосавшись соков осы, которая была во много раз больше его.

Здесь уместно упомянуть, что в окрестностях Санта Фе Бахада я нашел много больших черных пауков с красными пятнами на спине, живущих обществами. Тенета расположены у них отвесно, как у всего рода крестовиков. Каждая паутина отстоит от другой фута на два, но все они прикрепляются к общим нитям, которые очень длинны и протянуты во все стороны, чтобы обслуживать всех членов общества. Таким образом верхушки некоторых больших кустов были со всех сторон окружены этими соединенными паутинами. Однако я не помню, чтобы мне когда-нибудь случалось видеть центральное гнездо, величиною в шапку, в которое, по словам одного путешественника, пауки откладывают свои яйца осенью перед смертью. Так как все пауки, которых я видел, были одинаковой величины, то можно думать, что все они были приблизительно одного возраста. Жизнь обществами донельзя удивительна для пауков, которые любят уединение

и так кровожадны, что даже оба пола постоянно воюют между собой.

Неподалеку от Мендевы, в высокой долине Кордильер, я нашел другого паука, тенета которого отличались очень своеобразной формой. Из центра паутины, где сидит паук, шли лучами крепкие нити, но только две из них были связаны друг с другом симметричным переплетом, так что паутина была не круглой, как это обычно бывает, а клинообразной. Так были построены все тенета.

Глава третья

Мальдонадо

Монтевидео. – Мальдонадо. – Путешествие к реке Поланко. – Лассо и бола. – Куропатки. – Отсутствие деревьев. – Олень – Водосвинка. – Туку-туку. – Молотрус и его сходство с кукушкой. – Бентеви. – Хищные птицы. – Трубки, образованные молнией. – Разрушенный дом.

5 июля 1832 года. – Утром мы отправились в путь и вышли из великолепной гавани Рио де Жанейро. До Ла Платы мы не видели ничего особенного, только раз нам попало большое стадо дельфинов. Сотни этих животных разрезали волны и подпрыгивали так высоко, что всё тело их высывалось наружу. Когда корабль делал до девяти узлов в час, они совершенно свободно сновали взад и вперед перед самым его носом и потом быстро исчезали. В одну из темных ночей нас окружила стая тюленей и пингвинов; они производили такие странные звуки, что вахтенный офицер отрапортовал начальству, будто с берега уже слышно мычание коров.

Следующей ночью мы были свидетелями великолепного естественного фейерверка: верхушка мачты и концы рей засветились огнями святого Эльма, а очертания флюгера сияли, как будто натертые фосфором. Море светилось так ярко, что следы пингвинов обозначались огненными полосами, а

в темных небесах по временам мелькала ослепительная молния.

Когда мы вошли в устье реки, я с любопытством наблюдал, как медленно смешивалась морская вода с речной. Мутная речная вода, которая была легче морской, текла сверху, это было особенно заметно в борозде, оставляемой кораблем, – в ней ясно было видно, как чистая голубая струя маленькими водоворотами смешивается с мутной.

26 июля. – Мы бросили якорь в Монтевидео. Следующие два года «Бигль» был занят съемкой восточных и южных берегов Америки к югу от Ла Платы. Чтобы избежать бесполезных повторений, я выпишу из моего дневника всё, что относится к этим местам, не соблюдая порядка, в котором мы их посещали.

Мальдонадо лежит на северном плоском берегу Ла Платы, недалеко от устья. Это маленький, тихий, заброшенный городок. Улицы его, как улицы всех здешних городов, расположены под прямыми углами друг к другу, а в центре города помещается огромная площадь или сквер, размеры которого подчеркивают малочисленность населения. Торговли здесь почти нет; предметы вывоза ограничиваются кожами и живым скотом. Почти все жители земледельцы, есть только несколько лавочников и ремесленников – кузнецов и плотников. Они обслуживают население на пятьдесят миль в округности. Город отделен от реки рядом песчаных холмов, которые тянутся почти на милю в ширину. С других сто-

рон его окружает открытая, слегка волнистая равнина, одетая однообразным зеленым ковром, на котором пасутся бесчисленные стада рогатого скота, овец и лошадей.

Обработанной земли очень мало даже в ближайших окрестностях города. Изгороди из кактусов и агав отмечают те немногие места, где посеяна пшеница или маис. Общий характер страны по всему протяжению северного плоского берега Ла Платы один и тот же. Вся разница в том, что возле Мальдонадо гранитные скалы несколько крупнее. Местность, вообще, непривлекательна. Только изредка оживляется она видом дома, ограды или дерева. Однако, пробыв долгим пленником на корабле, бродить по бесконечным луговым равнинам удивительно приятно, а если сосредоточить внимание на небольшом пространстве земли, то всегда можно найти много хорошего. Здесь многие мелкие птицы окрашены очень ярко, свежая зеленая мурава, коротко общипанная пасущимся скотом, украшена мелкими цветами; как старого друга встретил я среди них цветок, похожий на маргаритку. А что бы сказал любитель цветов при виде огромных пространств, так густо усеянных вербенами, что даже издали они горят алым цветом?

Я оставался в Мальдонадо десять недель и за это время успел составить почти полную коллекцию местных зверей, птиц и пресмыкающихся. Прежде, однако, чем говорить о них, я расскажу о своем путешествии к реке Поланко, которая протекает миль за семьдесят к северу от Мальдонадо.

Кстати, вот образчик здешней дешевизны: двум проводникам с целой дюжиной верховых лошадей я платил в день всего два доллара. Мои спутники были хорошо вооружены пистолетами и саблями. Эта предосторожность показалась мне сначала излишнею; но первое, что мы услышали в пути, был рассказ о том, как накануне на дороге из Монтевидео был найден путешественник с перерезанным горлом. Убийство случилось около креста, поставленного в память такого же события.

Первую ночь мы провели в уединенном сельском домике, и тут оказалось, что некоторые из моих вещей вызывают у местных жителей величайшее удивление. Особенное внимание возбуждал мой карманный компас. В каждом доме меня просили показать его и объяснить, как при помощи этого инструмента и карты определяется направление. Туземцев несказанно поражало, что я, приезжий, так хорошо знаю дорогу: в этой открытой стране направление и дорога – одно и то же. Даже одна больная, – молодая женщина, лежавшая в постели, – специально прислала просить меня, чтобы я зашел к ней и показал ей компас.

Если местные жители удивлялись мне, то я, со своей стороны, удивлялся невежеству людей, которые владеют тысячами голов скота и обширными поместьями. Это невежество можно объяснить разве тем, что в эту глухую страну редко приезжают иностранцы. Меня спрашивали: земля ли ходит вокруг солнца или наоборот? теплее или холоднее к севе-

ру? где лежит Испания? и множество других подобных вещей. Жители большею частью полагают, что Англия, Лондон и Северная Америка – различные названия одного и того же места: однако находились люди и более сведущие, – они знали, что Лондон и Северная Америка – отдельные, но соседние между собою страны, а Англия – это большой город в Лондоне.

У меня были спички, которые я зажигал о зубы. Со всех концов сбегались люди посмотреть на это чудо. Кто-то даже предложил мне целый доллар за одну спичку. В селении Лас Минас много толковали о том, что я каждое утро умываюсь. Один богатый купец подвергнул меня подробному допросу по поводу такой странной привычки. Он расспрашивал меня также и о том, почему мы на корабле не бреем бороды, и, вообще, смотрел на меня очень подозрительно. Может быть, он слышал об омовениях магометан и, зная, что я не католик, а стало быть, еретик, решил, что все еретики – турки.

В этих местах существует обыкновение просить ночлега в первом встречном доме. Удивление, которое возбуждали мой компас и другие «фокусы», вместе с бесконечными рассказами моих проводников о том, как я раскалываю камни, отличаю ядовитых змей от безвредных, собираю насекомых и тому подобное, было мне очень на руку – оно давало мне возможность отблагодарить за оказанное мне гостеприимство. Я пишу об этих людях так, как если бы я рассказывал об обитателях Центральной Африки. Боюсь, что жители Бан-

да Ориенталь остались бы недовольны таким сравнением, но когда я разговаривал с ними, мне действительно приходила на ум Центральная Африка.

Назавтра мы отправились в селение Лас Минас. Природа оставалась такой же, разве что ландшафт был несколько более холмистым. Впрочем, житель пампасов, без сомнения, назвал бы эти холмы Альпами. Народу живет здесь так мало, что за целый день едва встретишь одного человека. Лас Минас еще меньше Мальдонадо. Селение лежит в маленькой равнине, окруженной низкими скалистыми горами. По обыкновению, оно построено симметрично: в центре стоит выбеленная церковь, и общий вид довольно красив. Крайние дома одиноко возвышаются на равнине; возле них нет ни садов, ни дворов. В тех местах сады вообще бывают редко, и потому дома имеют неприветливый вид.

На ночь мы остановились в пульперии, т. е. в кабаке. Вечером туда пришли гаучосы пить вино и курить сигары. Их внешность заслуживает внимания – они очень стройны и красивы, но кажутся чрезвычайно надменными; многие из них носят усы и длинные волосы, выющиеся по спине. Яркая цветная одежда, звенящие шпоры, ножи, заткнутые за пояс как кинжалы, в качестве кинжалов их нередко и употребляют, – всё это придает гаучосам характер, далеко не соответствующий названию гаучо, что значит поселянин. Вежливы они чрезвычайно: ни один не выпьет своего вина, не предложив вам отведать его; но даже тогда, когда гаучо отвешивает

вам свой изящнейший поклон, видно, что он не прочь перерезать ваше горло, как только ему представится случай.

На третий день мы продолжали наш путь, но часто отклонялись в стороны, потому что я был занят осмотром залежей мрамора. На зеленой мураве равнин мы видели много страусов. В некоторых стадах их было до двадцати и до тридцати штук. Страус, стоящий на возвышении, четко вырисовывается на светлом фоне неба. Нигде еще в этой стране я не встречал таких смиренных страусов: они подпускали всадника очень близко к себе, потом распускали крылья и стремительно пускались по ветру, оставляя лошадь далеко за собой.

К ночи мы приехали в дом дона Хуана Фаунтес, богатого землевладельца, с которым, впрочем, никто из нас не был лично знаком. Здесь, когда приближаешься к чужому дому, полагается выполнить следующие требования этикета: медленно подъехать к двери и, не слезая с лошади, сказать: «Ave Maria». (Слезть с лошади до того, как кто-нибудь к вам выйдет и попросит войти, считается неприличным.) Ответная фраза хозяина: «Sin pecado concebida» (зачатая без греха). После того как вас ввели в дом, вы в течение нескольких минут ведете разговор на какую-нибудь общую тему и только после этого предлагаете вопрос о том, можно ли здесь переночевать. На эту просьбу всегда отвечают согласием, и с этой минуты гость уже принимает участие во всех семейных трапезах, ему отводят комнату, где он устраивает себе постель из чепрака своего рекадо, т. е. седла.

Любопытно видеть, как одни и те же условия вырабатывают сходные обычаи и нравы. На мысе Доброй Надежды повсеместно существует совершенно такого же рода гостеприимство и соблюдается почти тот же самый этикет. Но разница между испанцем и голландцем заключается в том, что испанец никогда не задаст гостю вопроса, выходящего за пределы самой тончайшей вежливости, тогда как добряк-голландец спросит вас, и где вы были, и куда поедете, и чем занимаетесь, и, наконец, осведомится даже о том, сколько у вас братьев, сестер и детей.

Вскоре после нашего приезда к дому дона Хуана пригнали большое стадо рогатого скота, и трех быков отобрали на убой. Полудикие животные были очень проворны и хорошо знакомы с роковым лассо, поэтому они порядком измучили лошадей, заставляя их гоняться за собой.

Зная, каким огромным количеством скота, лошадей и слуг владеет наш хозяин, странно было видеть его жалкое жильё. Пол в доме был земляной, окна без стекол, в гостиной стояло только несколько стульев и скамеек самой грубой работы да еще два стола. Ужин, несмотря на присутствие нескольких посторонних лиц, состоял из двух огромных кусков говядины – жареной и вареной – и из нескольких тыкв; кроме тыквы никаких других овощей не было; не оказалось также ни одного куса хлеба. Пили только воду, – на столе стоял огромный глиняный кувшин один на всё общество. А между тем наш хозяин был владельцем многих квадратных

милей земли, где почти каждый акр при небольшом труде мог бы производить не только хлеб, но и самые разнообразные овощи.

Вечером курили сигары и пели под аккомпанемент гитары. Сеньориты сидели кучкой в углу комнаты и не ужинали с мужчинами.

Об этих странах писали так много, что рассказывать об лассо и бола почти излишне. Лассо (аркан) состоит из очень крепкой, но тонкой веревки, плотно сплетенной из сыромятных ремней. Один конец лассо прикреплен к широкой подпруге, которой соединены сложные части рекадо, или седла, употребляемого в пампасах; на другом конце – кольцо, железное или медное, сквозь него продевается петля. Когда гаучо собирается пустить лассо в ход, он оставляет небольшой сверток веревки в левой руке, а в правой держит петлю; петля обыкновенно делается очень большою, около 8 футов в поперечнике. Оставляя петлю открытою, гаучо быстро вертит ее над головой и потом с большою ловкостью накидывает на выбранную цель. Когда аркан не нужен, его свертывают узлом и привязывают к задней части седла.

Бола, или шары, бывают двух родов. Самые простые, употребляемые обыкновенно для ловли страусов, состоят из двух круглых камней, обтянутых кожей и соединенных вместе тонким плетеным ремешком, около 8 футов длиною. Более сложные бола отличаются только тем, что вместо двух, в них три шара, соединенных ремнями в общем центре. Гаучо

держит самый маленький из трех шаров в руке, а остальные быстро вертит над головой; потом прицелясь, бросает их в воздух. Шары, падая на какой-нибудь предмет, обвиваются вокруг него, перекрещиваются и плотно обматывают свою жертву. Величину и вес шаров изменяют, смотря по цели, для которой они предназначены. Каменные шары, даже всего только с яблоко величиной, наносят такой сильный удар, что могут переломать ногу лошади. Я видел деревянные шары с репу величиной, предназначенные для того, чтобы ловить лошадей, не причиняя им вреда. Иногда шары делаются железными, и в этом случае их можно бросать на огромное расстояние.

Наезднику, употребляющему аркан или шары, очень трудно на всем скаку и на быстром повороте вертеть их верною рукою над головой и метко прицеливаться; пешему же очень легко и скоро дается это искусство. Однажды я, пустившись скакать верхом на лошади, попробовал кружить эти шары над головой. Случайно один из шаров ударился о куст; потеряв таким образом свое вращательное движение, шар упал на землю и мгновенно обвился вокруг ноги моей лошади; другой шар выскочил у меня из рук, и лошадь была поймана. К счастью, конь был бывалый; он тотчас понял, в чем дело, и остановился. Гаучосы помирали со смеху и кричали, что им случалось ловить на аркан всяких зверей, но еще ни разу не доводилось видеть, чтобы человек поймал самого себя.

В течение следующих двух дней я добрался до намечен-

ного конца исследуемой местности. Страна носила всё тот же характер, и однообразная зелень лугов сделалась для меня несноснее пыльной, неровной дороги. Мы везде встречали множество куропатов. Эти птицы не ходят здесь стаями и не прячутся, как в Англии. По-видимому, это преглупые создания. Всадник, объезжая их всё меньшими и меньшими кругами, может набить их ударами по голове столько, сколько захочет. Обыкновенно их ловят маленьким арканом, сделанным из ствола страусового пера, прикрепленного к длинной палке.

Мальчик на смирной старой лошади может наловить их штук до тридцати или сорока в день. В холодном поясе Северной Америки индейцы ловят таким же способом зайцев, обходя их по спирали. Полдень считается самым лучшим временем для этой охоты, потому что солнце стоит тогда всего выше, и тень от охотника всего короче.

В Мальдонадо мы возвращались другой дорогой. Рано утром мы взобрались на Сиерра де лас Анимас. При свете восходящего солнца картина была весьма живописной. Обширная плоская равнина простиралась к западу вплоть до самой горы, лежащей около Монтевидео, а к востоку тянулась холмистая местность Мальдонадо. На вершине горы лежали кучи камней; по-видимому, они лежали там уже много лет. Спутник мой уверял меня, что камни эти были сложены индейцами еще в очень старые времена. Кучки эти, хотя и в миниатюре, напоминали собранные в груды кам-

ни, которые часто встречаются на горных вершинах в Уэльсе. По-видимому, желание ознаменовать важное происшествие каким-нибудь памятником, поставленным непременно на самой высокой точке страны, свойственно всему человечеству. В настоящее время в этих краях нет ни одного ни дикого, ни цивилизованного индейца, и едва ли здесь остались еще какие-нибудь памятники их существования, кроме этих небольших столбов на вершине Сиерры де лас Аминас.

Замечательно, что во всей области Банда Ориенталь почти нигде нет никаких деревьев. На некоторых скалистых холмах, правда, встречаются кусты, да по плоским берегам больших рек, особенно к северу от Лас Минас, довольно часто видишь ивы. Мне рассказывали, что близ Аройо Тапес есть пальмовый лес; одну пальму, и даже довольно большую, я видел близ Пан де Асукар под 35° южной широты. Кроме этих деревьев да тех, которые посажены испанцами, в стране почти вовсе нет леса. Из числа искусственно разведенных деревьев следует упомянуть о тополе, масличном, персиковом и других фруктовых деревьях. Персики принялись так хорошо, что составляют главнейшее топливо города Буэнос Айреса.

На таких плоских равнинах, как пампасы, вообще редко растут деревья. Это можно объяснить или силой ветров, или быстрым высыханием земли. Но в окрестностях Мальдонадо между скалистыми горами лежат защищенные от ветра места, и почти в каждой долине встречаются ручьи; а глини-

стая почва, непроницаемая для воды, должна поддерживать влажность. Думают, и очень справедливо, что развитие лесов зависит от годичной суммы влажности, но в этой стране лето хотя и сухое, зато зимою бывают сильные дожди¹. Известно также, что почти вся Австралия покрыта высокими деревьями, хотя там более сухой климат, чем здесь. Следовательно, этому безлесью надо искать какие-то другие, пока неизвестные причины.

Если бы мы судили по Южной Америке, то невольно пришли бы к убеждению, что деревья могут расти только в очень сыром климате, потому что здесь граница лесной полосы точно совпадает с пределами распространения влажных ветров. В южной части материка, где господствуют западные ветры, несущие влажность с Тихого океана, каждый остров около западного берега, начиная от 38° южной широты до самого конца Огненной Земли, густо покрыт непроницаемыми лесами. На восток от Кордильер, под теми же широтами, где голубое небо и ровный климат доказывают, что воздух, прошедший через вершины гор, утратил свою влажность, — сухие равнины Патагонии отличаются крайне бедной растительностью. В более северных частях материка, в пределах постоянных юго-восточных пассатов, восточная сторона покрыта великолепными лесами, в то время как западный берег можно по справедливости назвать пустыней.

---

¹ По мнению некоторых лиц, в этих странах годовое количество дождей больше, чем в Испании. (*Прим. Дарвина.*)

На том же самом западном берегу, к северу от 4° южной широты, где пассаты теряют свою правильность и периодически выпадают сильные дожди, берега Тихого океана, столь пустынные в Перу, одеваются той роскошной растительностью, которой так прославились Гваякиль и Панама.

Итак, в южной и северной частях материка лесистые и пустынные местности расположены по ту и другую сторону Кордильер, что, очевидно, зависит от направления господствующих ветров. Середину материка занимает широкий переходный пояс, заключающий в себе центральную часть Чили и те провинции Ла Платы, где влажные ветры, приносящие дожди, не встречают препятствий в виде высоких гор; здесь нет ни голой пустыни, ни сплошных лесов.

Во время стоянки в Мальдонадо я собрал несколько четвероногих, восемьдесят видов птиц и много пресмыкающихся, в том числе девять видов змей. Из крупных туземных млекопитающих в настоящее время существует только один вид оленя, но зато он очень многочислен и встречается небольшими стадами в местах, прилегающих к Ла Плате и к северной Патагонии.

Если ползком подобраться к стаду, то олени сами подходят к человеку и с любопытством его рассматривают. Таким образом я сам убил трех животных из одного стада. Однако, несмотря на их доверчивость и любопытство, олени очень боятся верховых. Здесь никто не ходит пешком, и олень видит в человеке врага только тогда, когда человек сидит на

лошади и притом с бола в руке. В Байа Бланка, новом поселении северной Патагонии, я с удивлением заметил, что олени совершенно не боятся ружейных выстрелов. Однажды я стрелял в оленя десять раз сряду, и каждый раз он гораздо больше удивлялся тому, что пуля бороздит землю, чем звукам выстрела. Так как у меня не было больше пороха, то я поневоле встал, – немалый стыд для охотника, который может бить птиц налету, – и кричал до тех пор, пока олень не убежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.